

Современные
рассказы
о любви

КОВАРСТВО ЗОЛУШКИ

*Современные рассказы
о любви*

Мария МЕТЛИЦКАЯ

Олег РОЙ

Маша ТРАУБ

и другие

Москва
2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Художественное оформление серии *А. Дурасова*

К56   **Коварство** Золушки. Современные рассказы о любви : сборник / Мария Метлицкая, Олег Рой, Маша Трауб и др. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Современные рассказы о любви).

ISBN 978-5-699-82816-6

Фомина с детства была крайне осмотрительной и примерной во всех отношениях. Вот и выросла очень консервативной и слегка старомодной девицей. Неизменная тугая коса — потому что так удобно, институт рядом с домом — потому что близко. Свободное время — за книгой, потому что не за мужчинами же ей бегать! Да и вообще, отношения как таковые ее и не интересуют. Но все это — ровно до тех пор, пока лучшая и единственная подруга не знакомит ее со своим женихом Демидом. Демушка сказочно красив, как леденец в яркой рождественской обертке. Устоять невозможно! И тут в голове скромницы Золушки возникает по-настоящему коварный план...

Хотите узнать, чем обернулась эта история? Или истории других, не менее оригинальных женщин? Читайте новый сборник рассказов о любви!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2015
© Ройтбурд Л., 2015
© Тронина Т., 2015
© Дезомбре Д., 2015
© Степановская И., 2015
© Туровская М., 2015
© Резепкин О., Полетика М., 2015
© Крицкая И., 2015
© Трауб М., 2015
© Климова Ю., 2015
© Оформление. ООО Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82816-6

Мария МЕТЛИЦКАЯ

Адуся

Адусины наряды обсуждали все и всегда. Реже — с завистью, часто — скептически, а в основном — с неодобрением и усмешкой. Еще бы! Все эти пышные воланы, сборки, фалды и ярусы, бесконечные кружева и рюши, ленты и тесьма, буфы и вышивка, панбархат, шелк, крепдешин и тафта — все струилось, переливалось и ложилось мягкой волной или ниспадало тяжелыми складками.

Совсем рано, в юности, придирчиво разглядывая в зеркале свои первые мелкие прыщики, недовольно трогая нос, подтягивая веки и поднимая брови, Адуся поняла: нехороша. Этот диагноз она поставила уверенно, не сомневаясь и не давая себе, как водится, никаких поблажек. Сухая констатация факта. Была, правда, еще слабая надежда на то, что буйный и внезапный пубертат все же осторожно и милостиво отступит, но годам к семнадцати и она прошла. К семнадцати годам, если тому суждено, девица определенно расцветает. Не вышло. Теперь оставалось либо сми-

риться и жить с этим — навсегда, либо пытаться что-то изменить. Адуся выбрала второе.

Жили они вдвоем с матерью, которую Адуся безмерно обожала. Мать служила в театре оперетты, дарование было у нее скромное, но была она определенно красавицей и дамой светской, то есть посветившей жизнь самой себе.

С Адусиным отцом, рядовым скрипачом театрального оркестра, она рассталась вскоре после рождения дочери, так до конца и не поняв, для чего был нужен этот скоротечный (будто кому-то назло, что, видимо, так и было) брак с некрасивым, тощим и носатым мужчиной. И зачем ей ребенок от этого брака — некрасивая болезненная девочка, точная копия отца. Ах, если бы девочка была похожа на нее! Такая же белолицая и гладкая, с той прелестной женственной полнотой, которая не режет, а радует глаз. С шелковистой кожей, пухлыми губами, с темными, густыми, загнутыми вверх ресницами! Ах, как бы она ее любила, наряжала бы, как куклу, демонстрировала с гордостью знакомым, обнимала бы ее и тискала без конца. А так чем хвастаться? Тощим, нескладным, неуклюжим подростком с унылым носом. Вся ее истинно женская плоть и прелесть отвергала дочь с тем негодованием, с которым признают неудавшийся опыт.

Поздним утром после долгого и крепкого сна мать с раздражением и неудовольствием глядела на Адусю, так старавшуюся ей угодить! Крепкий кофе со сливками, гренки с малиновым джемом — не дай Бог пересушить, апельсин, конечно, очищенный и разобранный на дольки... Адуся матерью любовалась. Даже после сна, с припухшими веками и всклокоченной головой, она казалась дочери богиней и небожительницей.

После кофе мать откидывалась в кресле, вытягивая изящные ноги в парчовых, без задника, с меховым помпоном шлепках, закуривала и начинала вещать, с неудовольствием оглядывая дочь:

— Нос надо убрать. Сейчас это делают элементарно! — произносила она по складам. — Жри булки и манку. Господи, живые мощи! Ну кто на это может польститься? Гены — страшное дело, ну ничего от меня, ничего, — вздыхала она. — И как мне тебя пристроить?

Иногда, в короткие периоды затишья между многочисленными бурными романами, она пыталась преобразить дочь. Вызывала своего парикмахера, подщипывала Адусе брови, красила ресницы, милостиво швыряла ей свои сумочки и туфли, заматывала вокруг тощей шеи длинные нитки жемчужных бус... Но потом, не получив искомого результата, быстро теряла интерес к процессу.

К полудню приходила домработница Люба. Мать вяло отдавала ей приказания, удобно устраивалась в спальне с телефоном — и начинала бесконечные перезвоны с армией подружек и поклонниц. Обсуждались наряды, романы и сплетни без числа. Адуся же собиралась на работу. Работала она утро-вечер, через день. В соседней сберкассе, в окне приема коммунальных платежей.

Еще будучи совсем юной девицей, она решила поспорить с природой, скупой предложившей ей такой скудный и обидный материал. Критически разглядывая себя в зеркало — размытые брови, близко посаженные глаза, узкий рот, руки, похожие на птичьи лапки, плоскую грудь, тонкие ноги, — Адуся пыталась найти и что-нибудь позитивное. И находила! Волосы были не густые, но пышные, легкой волной. А талия! Где вы видели талию в пятьдесят четыре сантиметра? Правда, увы, на этом список удачного за-

канчивался, но Адуся вывела разумную формулу. Надо суметь себя преподнести. Не вставать в унылую очередь дурнушек, а выделиться из толпы. Обратить на себя внимание. Объяснить всем, что она особенная. Необычная. В конце концов, главное — суметь в этом всех убедить.

И Адуся принялась за дело. Тогда-то она и подружилась с Надькой-инвалидкой, так безжалостно прозванной Адусиной матерью за высохшую ногу в тяжелом и уродливом ботинке. Надька была молчуньей, с недобрим затравленным взглядом, вся сосредоточенная и зацикленная на двух вещах — своей болезни и своей работе. Из дома она почти не выходила, стеснялась. Продукты ей приносила соседка, умело обманывавшая Надьку, — цен та совсем не знала. А вот от клиенток не было отбоя. Работала Надька с утра до поздней ночи. Портнихой была от Бога — шила с одной примеркой, никогда не повторяя модели и не сталкивая лбами капризных клиенток. Кроме обычной и точной закройки, она безошибочно угадывала фасоны, удачно скрывала недостатки и подчеркивала достоинства фигуры. Ей достаточно было одного быстрого взгляда, чтобы все оценить и не ошибиться. И брюки, и деловые костюмы получались у нее превосходно, но все же ее коньком были вечерние туалеты. Здесь Надька отрывалась по полной — вышивала узоры, обвязывала золоченой тесьмой, выдумывала затейливые аппликации, оторачивала мехом и перьями, крутила немыслимой красоты цветы из обрезков бархата, тафты и меха. Деньги за заказы брала большие — но кто с ней спорил? С ее талантом, чутьем и безупречным вкусом считались безоговорочно. Она молча выслушивала нервных и капризных дам, кивая или не соглашаясь, крепко сжав в тонких бесцветных губах снопок булавок.

Обшиваться у Надьки считалось привилегией и хорошим тоном. Со всеми она держала непреодолимую дистанцию, а вот с Адусей получилась почти дружба. Почему — вполне понятно. Адусю она сразу причислила к несчастным — некрасива, небогата, нечванлива, без капризов. И к тому же одинока. Это их и роднило. Адуся приезжала не просто по делу на примерку, торопясь и нервничая перед зеркалом. Без настойчивых просьб: «Надя, милая, побыстрее, пожалуйста. Меня ждут внизу в машине (водитель, муж, любовник)!» Приезжала Адуся к Надьке именно в гости. С утра в субботу и на целый день — с хрустящими вощеными пакетиками с кофе из «Чайуправления», только что молотым, и с коробкой разноцветных пирожных из «Праги» — лучшей кондитерской тех лет. Обе были заядлые кофеманки и сладстены. Надька варила кофе — целый кофейник на весь день, освобождала половину огромного стола, заваленного бесконечными выкройками, булавками, мелками, обмылками и обрезками — и начинали свой сладкий пир две одиноких души.

Только ей, Адусе, своей единственной и закадычной подруге, Надька доверила свою страшную тайну, ни одной душе неведомую. Тайну о том, как однажды остался у нее на ночь мужчина, водитель одной из клиенток, заехавший вечером за готовым заказом. Остался на ночь. А утром, увидев у кровати безобразный черный, кособокий Надькин башмак, бросился в ванную, где его вырвало прямо в раковину. Так Надька в одночасье распрощалась с девственностью и иллюзиями.

Адуся сочувствовала бедной Надьке, и обе, обнявшись, плакали. Еще Адуся слегка жаловалась подруге на свою резкую, бесчувственную, но все же такую обожаемую мать и вторым пунктом, конечно же, — на тотальное отсутствие

женихов. В перерывах между кофе и перекурами Надька ползала по полу — кроила она только там. Потом Надька раскрывала журнал и предлагала Адусе самые свежие модели, измененные и усложненные буйной фантазией и талантом портнихи. Адуся все принимала с восторгом и восхищением.

И начиналось священнодействие. Красили в крепком растворе чая кружева, приобретающие цвет топленого молока или подбеленного кофе, разрезали широкую, с золотой ниткой, тесьму, поуже — на рукав, пошире — на оборку, клеили фиксированные, твердые банты из атласа и капрона, завязывали на свободный крупный узел мягкие шелковые галстуки, обтягивали большие старые пуговицы парчой. Оторачивали обрезками голубой норки весенний светло-серый суконный жакет, кроили легкие, полупрозрачные блузки с обильным жабо, высоко вздергивали фонари рукавов и безжалостно зауживали длинные манжеты, разрывали нити старых бутафорских жемчужных бус и пускали горошинами по воротнику и передней планке платья...

Адуся мужественно мерзла у огромного мутноватого старого зеркала в коридоре, ежась в колючей немецкой кружевной комбинации, а Надька ползала вокруг нее, закалывала, подкалывала, чиркала мелом, бряцала огромными ножницами. Она отползала от Адуси на пару шагов и, прищурясь, довольная, оценивала свою работу. И тощие, с пупырчатой кожей, посиневшие от холода ноги подруги с крупной грубой щиколоткой, тонкой икрой и мосластыми коленями казались Надьке абсолютным воплощением красоты. Потому что это были две здоровых ноги. В изящных туфельках на каблуках. Две полноценных и крепких ноги. А значит, есть шанс на успех и победу. Надька го-

рестно вздыхала и еще крепче сжимала свои узкие, почти бескровные губы. Сейчас, вот сейчас Адуся наденет свою пышную юбку, кокетливо закрутит шелковый шарфик на блузке, обует ноги в замшевые ботильоны на высоком и неустойчивом каблуке, ярко подкрасит губы, встряхнет легкими рыжеватыми волосами — и выскочит на освещенную улицу. Выскочит в жизнь. В ее быстрый поток, бурлящий водоворот. И застучит каблучками по мостовой. И все в ее жизни еще будет, будет наверняка. А в ее, Надькиной, жизни? В который раз Надька придирчиво и настороженно смотрела на себя в зеркало: огромные, с черным ободком вокруг серой радужки, глаза, короткий прямой нос, темные густые волосы, жесткие, как щетка, бледное, почти белое лицо (конечно, совсем без воздуха) и тонкий, искривленный в печальной гримасе рот. Неухоженность, полное безразличие к своей женской природе — это природе в отместку за то, что так жестоко она с ней обошлась. Надька тяжело вздыхала и садилась за свою нескончаемую работу. В этом и было ее истинное утешение.

Адуся легко выпархивала из захламленной душной Надькиной квартиры и с жадностью вдыхала московский воздух. Она тихо открывала дверь ключом — не дай бог шуметь, вдруг мать задремала — и слышала один и тот же недовольный материн вопрос:

— Это ты? — Как будто это опять ее очень огорчило и разочаровало.

— Я, мамуся, — громко отвечала она.

— Господи! — почему-то тяжело вздыхала мать.

Однажды мать ушла в спальню, взяв с собой телефон. По квартире черной змейкой струился перекрученный телефонный шнур. Мать плотно закрыла дверь в спальню.

Адуся осторожно подошла к двери и услышала раздраженный и возмущенный голос.

— Глупость, бред! — кипятилась мать. — Это в мои сорок! Это он не знает, сколько мне, а я-то знаю. И потом, один опыт у меня уже есть! Не самый удачный. Да, мужик стоящий, богатый, но зачем мне трое его детей — мал мала? Что я с ними буду делать? Эти эксперименты не для меня. И этот вечный кавказский траур по его умершей жене... Наверняка в Москве он жить не станет. Мне уехать в Баку? Ну и что, что роскошный дом, ну и что, что тепло? А если он на ребенка не клюнет? Я понимаю, что вряд ли. Да, у них это не принято. Дети — святое. А если нет? Если просто не сложится и я там не смогу? И с чем я останусь? Одинокая стареющая второразрядная певичка почти без ролей? С двумя детьми? Да-да, Адуся уже взрослый человек. Но ведь и я не сумасшедшая.

Адуся замерла под дверью. Господи, мать попалась! Ничего себе история! Она лихорадочно перебирала возможных претендентов на отцовство. Ах да, был какой-то поклонник — бакинский армянин, моложе матери на добрый десяток лет, вдовец, человек щедрый и, скорее всего, не бедный. И живо вспомнила корзины ярких фруктов, огромные, словно снопы, перевязанные лентой тугие букеты роз на плотных зеленых стеблях. Значит, речь идет о нем! Что же будет? А вдруг мать все же решится и оставит ребенка? Тут Адусе стало и вовсе нехорошо: к горлу подкатила тошнота, и по спине потек холодный и липкий пот. Она прислонилась к стене и прикрыла глаза. Боже, какая угроза! Ведь может измениться вся ее жизнь — какой-то непонятный молодой мужик, трое его детей, еще один ребенок, новорожденный, их общий с матерью. А она? Ее роль во всей этой истории? Нянька, вытирающая сопли

всей этой ораве? От такого кошмара у Адуси закружилась голова, и она присела на корточки.

Но ничего этого не случилось, а случилось совсем другое — страшное и неисправимое. Ее сорокалетняя красавица мать умерла спустя месяц от кровотечения — осложнения после аборта, сделанного на приличном сроке. Похороны были пышные и многолюдные. Все как любила покойница. Скорбели потрясенные случившимся бывшие любовники и действующие подруги. Последнего возлюбленного, косвенно имевшего отношение к этой драме, на похоронах не было. Разыскивать его, вызывать из другого города у Адуси не было ни сил, ни времени. Да и к чему все это? При чем тут он?

Мать лежала в гробу бледная, прекрасная и успокоенная. Отгремели все страсти ее недолгой жизни, разом решились все проблемы. Как все просто. И как все страшно.

Адуся осталась одна в большой «сталинской» трехкомнатной квартире с эркером. По матери она тосковала безгранично. Обливаясь слезами, она перебирала ее колечки и браслеты, подносила к лицу платья, еще пахнувшие ее духами, спала в ее постели, зарываясь лицом в ее подушки... И все никак не решалась сменить и выстирать белье, хранившее, как казалось Адусе, материнский запах. Она страдала, совершенно забыв и презрев материнскую холодность и отрешенность. Вечерами, заливаясь слезами, Адуся перебирала драгоценности матери, целовала их, гладила и аккуратно складывала обратно в мягкие бархатные и фланелевые мешочки, потом куталась в шубы — норковую и каракулевую, которые были ей, конечно, велики и которые она все никак не решалась отнести к Надьке и переделать по фигуре.

О том, чтобы что-то продать из украшений или старинных вещей, так любимых матерью, которая понимала в них толк, не могло быть и речи. Жить теперь приходилось на свою более чем скромную зарплату. Раньше, при матери, о деньгах думать особенно не приходилось. Сейчас же на счету была каждая копейка, каждый рубль — что оказалось непривычно. Адуся терялась и расстраивалась, бесконечно считая жалкий остаток. Домработницу Любу она, конечно же, рассчитала. На что ей домработница? Так и жила — одиноко и неприкаянно. Из подруг — только верная Надька, тоже одинокая душа.

Впрочем, была у Адуси и любовь. Правда, любовь тайная и неразделенная, так как предмет страсти о ней и знать не знал. Это был сын старинной подруги матери, некоей Норы, бывшей балерины, в далеком прошлом известной московской красавицы и вдовы-генеральши. Предмет звался Никитой и вполне бы мог сойти за былинного русского богатыря — косая сажень в плечах, пшеничные кудри, синие глаза. Любила Адуся Никиту давно, с детства, пожизненно и безнадежно, ибо Никита был бог, царь и фетиш. И ему, как богу и царю, было все дозволено и все заранее прощалось. На самом деле он был заурядный и обычный пошловатый бабник и ходок, но Адуся так даже и думать не смела, ни боже мой. В ее сердце имелась ячейка, сейф, куда были припрятаны все тайны и сокровенные мысли (грустные, надо сказать, мысли). Никогда, никогда... Кто она и кто он? Да разве можно себе это представить? Любовь к Никите — отдельная песня, отдельная строка.

Ах, пустые девичьи грезы! В повседневной жизни был вполне прозаический снабженец с Урала Володя, остряк и балагур, то исчезающий, то вдруг внезапно возникавший, как черт из табакерки. Появлялся он редко и на пару

дней — случайные нечастые командировки — и поддерживал эту связь только для собственного удобства. Был еще тихий и слегка пришибленный аспирант Миша, живший с полубезумной старухой матерью и посему поставивший жирный крест на устройстве личной жизни. Приходил он к Адусе где-то в две недели раз, зажав в вялой руке три помятые и пожухлые гвоздики, долго пил на кухне чай и, не поднимая глаз, нудно прощался, топчась в прихожей. Все это было тускло, мелко и обременительно, не приносило радости и не сулило жизненных перемен. А ведь хотелось игры, интриги, страсти, наконец... Мамины гены, пугалась Адуся.

Никиту она считала неприкаянным и, естественно, несчастливым вечным странником. Что эта глупая череда круглоглазых красоток? Конечно же, только она, Адуся, сумеет разглядеть его мятущуюся душу, только она, умная, тонкая и остро чувствующая, сумеет дать ему истинное счастье и радость.

Мечтая ночами, она видела себя, хрупкую и нежную, идущую под руку с ним, таким большим и сильным. И конечно же, читающую ему стихи:

— «Сжала руки под темной вуалью...»

Или лучше так:

— «Как живется вам с другою женщиною, без затей?»

Она-то, Адуся, была, конечно, с затеями, не то что те, другие!

К Норе она заезжала часто, естественно, в надежде увидеть Никиту. Подруга матери уже сильно хворала — особенно подвели ноги, когда-то сводившие с ума пол-Москвы. Профессиональная болезнь бывшей балерины — суставы. Перевигалась она по квартире с палкой, из дома почти не выходила, сильно располнела и запустила себя,